Cahiers du
MONDE RUSSE

Cahiers du monde russe

Russie - Empire russe - Union soviétique et États
indépendants

62/2-3 | 2021

**Dissidences sexuelles et de genre en URSS et dans
l'espace postsoviétique**

Otobrazhenie « drugogo » v sovremennoi belarusskoi istoriografii: seksual'no-gendernye dissidenty v glazakh konservativnogo istorika

*Representation of the 'Other' in contemporary Belarussian historiography:
Sexual and gender dissenters as seen by a conservative historian*

Uladzimir Valodzin

Édition électronique

URL : <https://journals.openedition.org/monderusse/12520>

DOI : 10.4000/monderusse.12520

ISSN : 1777-5388

Éditeur

Éditions de l'EHESS

Édition imprimée

Date de publication : 1 septembre 2021

Pagination : 501-512

ISBN : 978-2-7132-2894-0

ISSN : 1252-6576

Référence électronique

Uladzimir Valodzin, «Otobrazhenie « drugogo » v sovremennoi belarusskoi istoriografii: seksual'no-gendernye dissidenty v glazakh konservativnogo istorika», *Cahiers du monde russe* [Онлайн], 62/2-3 | 2021, Выложить онлайн 15 octobre 2021, Наводить справки в 15 septembre 2022. URL: <http://journals.openedition.org/monderusse/12520> ; DOI: <https://doi.org/10.4000/monderusse.12520>

All rights reserved

ULADZIMIR VALODZIN

OTOBRAZHENIE « DRUGOGO »
V SOVREMENNOI BELARUSSKOI
ISTORIOGRAFI

Seksual'no-gendernye dissidenty v glazakh
konservativnogo istorika

[Representation of the 'Other' in contemporary
Belarussian historiography: Sexual and gender dissenters
as seen by a conservative historian]

В современной белорусской¹ историографии редко обсуждаются вопросы сексуальности. Книги по истории сексуальности и по гендерной истории, изданные за тридцать лет независимости, можно пересчитать по пальцам².

* Предварительные варианты данного текста были представлены на конференции "Homophobia in Post-socialist Eurasia" (3-4 мая 2018 года, Оксфордский университет, колледж Св. Антония) и на семинаре "Social History of Sexuality" (1 июня 2018 года, Европейский университетский институт, Флоренция). Автор признателен организаторам этих мероприятий Дэну Хили (Dan Healey) и Питеру Джадсону (Pieter Judson) за предоставленную возможность обсудить архивный материал. Автор благодарен Артуру Клешу (Arthur Clech), Дэну Хили и Анне Михальчук за внимательное чтение этой рецензии и высказанные замечания и предложения.

1. В данном случае мы имеем дело с конфликтом языковых норм. Согласно словарям, данное прилагательное нужно писать через «о» как «белорусский» (в именительном падеже, мужском роде, единственном числе). Но по правилам русского языка корень не изменяется. Соответственно, прилагательное производное от названия страны «Беларусь» должно писаться через «а». Поскольку вопрос названия страны (Беларусь или Белоруссия) принимает политическое измерение (особенно ярко после российской оккупации в 2014 году части территории Украины), приходится соответствующим образом выбирать прилагательное. Автор рецензии последовательно придерживается форм «Беларусь», «беларусский».

2. Сергей Даниленка, ред., *Terra Alba. Т. 2. Homo venerius: Сексуальная прастора беларускай культуры* (Минск: Экаперспектыва, 2001); Наталля Сліж, *Шлюбныя і пазаілюбныя стасункі шляхты Вялікага Княства Літоўскага ў XVI–XVII стст.* (Смаленск:

Одной из таких книг является «Сексуальная революция в Советской Беларуси» Александра Гужаловского³, на страницах которой представлено в том числе однополое желание и гендерная неоднозначность.

Книга состоит из введения, пятнадцати глав, объединённых в пять разделов, и заключения. Исходя из посыла, что большевики «искусственно» устроили «эксперимент сверху» в области семейной и гендерной политики, в первом разделе «Спачатку было слова [В начале было слово]» А. Гужаловский разбирает воззрения видных большевиков и «попутчиков» (в том числе и белорусских) на «половой вопрос», а также рассматривает законодательные новации в области семейного и уголовного права. Второй раздел «“Новый быт”: паміж ідэяй і ўвасабленнем [“Новый быт”: между идеей и осуществлением]» описывает послереволюционное изменение норм поведения в обществе, а также опыты по созданию разного рода коммун. Обсуждению половой жизни комсомольцев и студентов, а также отражению сексуальной революции в художественной литературе Беларуси 1920-х годов посвящён третий раздел «Моладзь у авангардзе [Молодёжь в авангарде]». В четвёртый раздел «Жанчына ў вихуры сэксуальнай рэвалюцыі [Женщина в вихре сексуальной революции]» объединены такие разные темы, как деятельность женотделов, функционирование института фактического брака в БССР, разводы, аборт и биография Софьи Шамардиной, видной представительницы большевистской элиты БССР 1920-х годов и руководительницы женотдела ЦК КП(б)Б в начале 1920-х. Удивляет состав пятого раздела, носящего название «Сэксуальныя дэвіяцыі [Сексуальные девиации]»: в нём речь идёт о проституции, борьбе с ней и “прочем девиантном поведении” (“іншыя дэвіянтныя паводзіны”, под этим А. Гужаловский понимает изнасилования, педофилию, гомосексуальность, полигамию, инцест, транссексуальность и зоофилию).

А. Гужаловский в своём тексте занял довольно сексофобную позицию. В частности, без приведения каких-либо доказательств он утверждает, что крестьяне до революции 1917 года были строго гетеросексуальными, моногамными, не вступали в добрачные и внебрачные связи (с. 112), не прибегали к абортам (с. 175) и так далее. Такие представления о половой жизни крестьян несколько устарели – идея «половой невинности крестьян» была широко распространена в Российской империи в конце девятнадцатого – начале двадцатого веков⁴.

Инбелкульт, 2015); Наталья Сліж, *Культура сексуальных стасункаў у Вялікім Княстве Літоўскім у XVI–XVII стст.* (Мінск: Тэхналогія, 2019); Елена Гапова, Альмира Усманова, ред., *Гендерные истории Восточной Европы* (Минск: ЕГУ, 2002); Елена Гапова, ред., *Женщины на краю Европы* (Минск: ЕГУ, 2003).

3. Аляксандр Гужаловскі, *Сэксуальная рэвалюцыя ў Савецкай Беларусі: 1917–1929 гг.* (Мінск: А. М. Янушкевіч, 2017).

4. Дэн Хили, «Традиционный секс и подавление возвращенного», *Неприкосновенный запас*, №5 (2013). Online-доступ по адресу: <https://magazines.gorky.media/nz/2013/5/tradicionnyj-seks-i-podavlenie-vozvrashhennogo.html>

Добрые и внебрачные связи А. Гужаловский клеймит как «порочные» и пишет, что они развились в «невинном» белорусском народе под «разлагающим» воздействием большевиков. В своей анти-большевистской риторике автор рецензируемой книги заходит так далеко, что утверждает: экономическая и образовательная политика большевиков, а также их курс на женскую эмансипацию вызвали рост проституции, венерических болезней (с. 242) и даже... педофилии (с. 231-232) в Беларуси 1920-х годов. Вместе с тем, существенных доказательств роста проституции⁵ и педофилии не приводится. А доказательства связи между, скажем, политикой женской эмансипации и ростом проституции совершенно отсутствуют.

Сомнительные общетеоретические послышки книги А. Гужаловского уже были подробно разобраны в обширной рецензии Елены Гаповой и Альмиры Усмановой⁶. Признавая некоторые достоинства монографии (открытие интересных архивных данных, включение в исторические дискуссии полузабытых имён), рецензентки сконцентрировались на критических вопросах и замечаниях. Среди прочего, они раскритиковали биологический детерминизм А. Гужаловского и его попытку представить сексуальную революцию 1920-х годов как навязанную большевиками «сверху» и не нужную населению БССР.

Е. Гапова и А. Усманова не ставили себе задачу перепроверить источники А. Гужаловского, а разбирали только его выводы и категориальный аппарат. Но то, как автор книги обходится с источниками, заслуживает специального внимания. Пользуясь ссылками А. Гужаловского на архивы и печатные источники, я перечитал те из них, которые имеют отношение к негетеронормативным людям.

Надо признать, что А. Гужаловский в своей книге продемонстрировал высокое мастерство архивной и библиотечной эвристики. Он смог найти большое число чрезвычайно интересных источников, с которыми теперь могут работать другие историки и представители прочих гуманитарных и общественных дисциплин. Но сам белорусский историк во многих случаях не смог эти источники приемлемым образом использовать.

Как видно из книги, А. Гужаловский испытывает мало симпатии к сексуально-гендерным диссидентам. Автор помещает несколько страниц о гомосексуальности (с. 233-238) в раздел «Сексуальные девиации», где однополую влечению (и, кстати сказать, гетеросексуальным немонагамным отношениям) приходится соседствовать с проституцией, изнасилованиями, растлением

5. Вопрос роста или спада проституции в Беларуси в рассматриваемый период сложно прояснить ввиду отсутствия полных и сравнимых между собой статистических данных (дореволюционная и послереволюционная статистика базировались на разных принципах). Не углубляясь в данный вопрос, отметим: российский социолог Сергей Голод указывал, что проституция в 1920-е годы сокращалась не только в СССР, но и в Западной Европе: Сергей Голод, *Что было пороками, стало нравами: лекции по социологии сексуальности* (М.: Ладомир, 2005), с. 42-43.

6. Алена Гапова і Альміра Усманова, «Каханне і сэкс у БССР» [рэцэнзія на: Аляксандр Гужалоўскі, *Сэксуальная рэвалюцыя ў Савецкай Беларусі: 1917–1929 гг.* (Мінск: А. М. Янушкевіч, 2017)], *Arche*, №3 (2018), с. 39-48.

малолетних, инцестом, зоофилией и вуайеризмом. Такое соседство мне видится не случайным – это способ маргинализировать и демонизировать гомосексуалов. В «сексуальные девиации» у А. Гужаловского попадают и интерсексные люди (с. 240), то есть биологические особенности организма автор смешивает с особенностями полового поведения.

Разберём приведённые А. Гужаловским случаи. Начать можно как раз со случая интерсексного человека, которого по каким-то причинам А. Гужаловский именует «транссексуалом». Тем не менее, читая источник – статью мозырского хирурга М. Сандомирского, можно убедиться, что речь идёт именно об интерсексном человеке⁷:

3-го августа 1927 года в Мозырскую окружную милицию явилась женщина 26 лет по имени Наташа с просьбой переменить ей женский паспорт на мужской, так как она не женщина, а настоящий мужчина. Милиция направила ее в Окрздрав для медицинского освидетельствования. 4-го августа в окружной больнице состоялся медицинский осмотр пациентки.⁸

Медицинский осмотр показал, что половые органы Наташи были гораздо ближе по строению к мужским, чем к женским. Две гонады находились не в мошонке, а в паху; тем не менее М. Сандомирский однозначно определил одну из них (правую) как яичко. Левая гонада переродилась в опухоль и была удалена М. Сандомирским хирургическим путём. Мозырский врач также описывает грудь, тембр голоса, растительность на лице и на лобке, половую жизнь пациента (с женщинами). Автор статьи отметил: «Что касается раннего детского возраста, то, по уверениям родителей, Наташа (ныне Анатолий) гораздо больше была похожа на девочку, нежели на мальчика, почему и была названа девушкой». По всей видимости, милиция сменила паспорт Наташи (по крайней мере М. Сандомирский писал, что «ныне» пациент зовётся Анатолий)⁹.

7. Основываясь на собственной базе данных, включающей 36 отдельных случаев, Дэн Хили написал обзорное исследование о взаимоотношениях интерсексных людей (в терминологии того времени «гермафродитов») с медицинскими специалистами в СССР 1920-30-х годов: Dan Healey, *Bolshevik Sexual Forensics: Diagnosing Disorder in the Clinic and Courtroom, 1917-1939* (DeKalb: Northern Illinois University Press, 2009), с. 134-158. Мозырский случай не вошёл в базу данных Хили.

8. М. Сандомирский, «К казуистике ложного гермафродитизма», *Беларуская мэдычная думка (Белорусская медицинская мысль)*, №3 (1928), с. 117.

9. Циркуляр НКВД РСФСР №146 от 22 апреля 1926 года устанавливал порядок изменения документов для «гермафродитов». Не до конца ясно, каков был правовой статус этого документа в БССР (например, до 1928 года в БССР действовал Уголовный кодекс РСФСР). Судя по последовательности действий мозырской милиции (направление человека, желающего изменить пол в документах, на медицинскую экспертизу), этот циркуляр был милиционерам известен. Документ опубликован Ирой Ролдугиной в микроблоге: <https://t.me/spyinthearchives/154>; <https://t.me/spyinthearchives/155>; <https://t.me/spyinthearchives/156> (последний доступ 13.07.2021). Оригинал хранится в Государственном архиве Российской Федерации, ф. Р393 (НКВД РСФСР), оп. 60, д. 28, л. 22-22 об. Первая публикация документа: Яков Лейбович, *Судебная гинекология: руководство для врачей и юристов* (Харьков: Юридическое издательство Наркомюста УССР, 1928), с. 126-127.

Приведённое выше не оставляет сомнения, что М. Сандомирский имел дело с интерсексным человеком. К сожалению, А. Гужаловский не видит разницы между трансгендерными и интерсексными людьми, что непростительно для исследователя, который взялся писать историю сексуальности.

Что касается гомосексуальности, то стоит отметить, что А. Гужаловский употребляет термины «гомосексуализм» и «содомия». Гомосексуальность он называет «пороком» (бел. «загана»). Я считаю, что это является способом показать политическую позицию автора.

На страницах, посвящённых гомосексуальности, читатель книги встречается с ещё одним примером слишком вольной интерпретации источников. Тут фигурирует информация о неуставных взаимоотношениях, выявленных в 1929 году в 8-ом автобронедивизионе Белорусского военного округа:

В декабре 1929 г. во время партийной проверки Белорусского военного округа была выявлена «хулиганская группа» в 8-м автобронедивизионе, которая имела название «общество страстей». Участники общества, среди которых были и партийцы, практиковали разные манипуляции с красноармейцами, включавшие снятие нижнего белья, осмотр гениталий и т. п. Во время разбирательства один из участников группы – помощник секретаря партячейки дивизиона, «нервный, чувственный, самолюбивый человек», покончил жизнь самоубийством.¹⁰

Не совсем понятно, каким образом цитируемые сведения соотносятся с гомосексуальностью. Кроме того, А. Гужаловский произвольно смешивает сведения, взятые из разных мест источника. Исследователь ссылается (неточно указывая номер листа) только на одно место в документе, в то время как цитирует два разных места. А. Гужаловский неточно указывает не только номер листа, но и номер фонда: он ссылается на фонд 15 (Постоянное представительство СНК БССР при СНК СССР) НАРБ, в то время как документ находится в фонде 15п (Центральная контрольная комиссия КП/б/Б).

Согласно источнику, при проверке были обнаружены:

1. Хулиганская группа в 8 автобронедивизионе, носившая название «общество страстей» и существовавшая 6 месяцев, о чем парторганизация дивизиона и не подозревала.
2. Безобразные (с участием отдельных партийцев) издевательства в течение полутора лет над отделкомом того же дивизиона Сеткевичем (снятие нижнего белья, осмотр полового органа, отрубание «банок» и т. п.).¹¹

10. Гужалоўскі, *Сэксуальная рэвалюцыя ў Савецкай Беларусі*, с. 236.

11. НАРБ, ф. 15п (Центральная контрольная комиссия КП/б/Б), оп. 4 (общие материалы за 1921–1939 годы), д. 317 (Материалы Белорусского военного округа об итогах чистки и проверки рядов КП/б/Б, сентябрь 1929 – январь 1930), л. 22 об. Итоги чистки парторганизаций БВО. Обзор политического управления Белорусского военного округа №1. Секретно. Экз. №208. Отпечатано в 220 экз. 15 января 1930 года, гор. Смоленск.

А также:

Комиссия по чистке, получив неправильную установку в покое о болезнях в части и не изучив сама действительного положения сделала неправильный вывод о работе секретарей ячеек, неправильно подошла к отдельным членам партии, исключив их из партии приписав им обвинения не соответствующие действительности. В числе обвинений одно было в отношении Хиного [посахра партбюро 8-ого автобронедивизиона – U.V.], что Хиной сгруппировал вокруг себя, в целях склоки, красноармейцев, а Саут (военком дивизиона) – командиров. [...] Комиссия своим неумелым подходом к выявлению моментов нездоровых отношений между Хиным и Саутом создала видимо впечатление у Хиного – нервного, чуткого, самолюбивого человека, что она оправдывает Саута и он тогда выйдя с собрания покончил с собой.¹²

Как видим, из документа не ясно, входил ли Хиной в «общество страстей» и имел ли он какое-либо отношение к издевательствам над Сеткевичем; также не ясно, издевались ли над Сеткевичем участники «общества страстей» или другие военные; наконец, совершенно не очевидно, что что-либо из упомянутого выше имеет отношение к гомосексуальности. Тем не менее А. Гужаловский не ищет дополнительные источники, которые помогли бы понять, что происходило в восьмом автобронедивизионе, а смешивает всё, фактически искажая источник (отдельно отмечу, что «чуткий» человек у А. Гужаловского становится «чувственным») и вводя в заблуждение читателей. Похоже, автор поступает так, чтобы достигнуть желаемого им эффекта сенсационности.

В этом случае А. Гужаловский гомосексуальность заметил там, где её, может быть, и не было. Но в другом месте он прошёл мимо интересного факта, связанного с гомосексуальной эмансипацией, который стоило бы проинтерпретировать и поместить именно в контекст дискуссий о гомосексуальности 1920-х годов. На с. 40-41 своей книги А. Гужаловский относительно подробно разбирает монографию Семёна Вольфсона «Социология брака и семьи». Как раз в раздел, посвящённый гомосексуальности, было бы логично включить упоминание о том, что С. Вольфсон в своей книге отвёл пару страниц деятелям гомосексуальной эмансипации:

Характерны для современных капиталистических государств реформистские попытки своеобразного «сексуального пацифизма». В ряду этих попыток следует выделить создание так называемой «VZ–SR» (*Weltliga für Sexualreform auf Sexualwissenschaftlicher Grundlage*). «Мировая лига для сексуальной реформы», возглавляемая Августом Форелем, Магнусом Гиршфельдом и Хавеллоком Эллисом, стремится создать новую половую этику на основе признания моральным того, что соответствует требованиям природы и данным естествознания.¹³

12. НАРБ, ф. 15п, оп. 4, д. 317, л. 28-28 об. Тот же документ.

13. Семён Вольфсон, *Социология брака и семьи (Опыт введения в марксистскую генеологию)* (Минск: Белорусский государственный университет, 1929), с. 337.

Далее Вольфсон процитировал десять тезисов (руководящих принципов) Лиги, в том числе непосредственно касающиеся гомосексуальности. Как видим, в 1929 году в БССР ещё можно было цитировать Магнуса Хиршфельда без искажений, хотя и с оговоркой, что сексуальные «реформисты» «закрывают глаза на тот факт, что и то “возвышение брака”, к которому они зовут, и то всестороннее равноправие, которого они требуют, и то признание свободной любви, за которое они ратуют, в условиях капиталистического строя неосуществимы. Заговаривать о новой системе отношения полов, не ставя вопроса об изменении всей социальной системы, значит ограничиваться демократически-прекраснодушной словесностью»¹⁴. Нам легко с позиций сегодняшнего дня заметить, что капитализм изменился и оказалось, что в рамках капиталистического строя могут быть удовлетворены самые разнообразные реформистские требования (в том числе требования сексуальной реформы), лишь бы только избежать коренной перестройки общества на более справедливых началах. Но ещё в 1960-е годы под словами Вольфсона безоговорочно подписались бы многие социалисты¹⁵.

Что ж, полемику С. Вольфсона с М. Хиршфельдом А. Гужаловский не заметил. Зато он приводит (с. 234-235) длинные цитаты (в общей сложности больше страницы) из книги Александра Ленца¹⁶, комментируя их таким образом, что создаётся впечатление, будто «пациенты» А. Ленца – типичные гомосексуалы (в то время как Ленц в данной книге описывает только преступников, вплоть до убийц). Вольно или невольно автор ставит гомосексуалов на одну доску не только с насильниками и растлителями малолетних, но и с убийцами.

Одним из слабых мест монографии А. Гужаловского является более чем странный способ взаимодействия с научной литературой – трудами предшественников и современников по сходным вопросам. На эту странность обратили пристальное внимание Е. Гапова и А. Усманова в указанной выше рецензии¹⁷. Научную литературу, с которой автор познакомился, он перечисляет во введении (с. 7-26). Больше А. Гужаловский к трудам других исследователей в тексте своей книги почти не обращается и совершенно не пытается опровергнуть или подтвердить выводы того или иного автора. Ссылки на современную литературу в других разделах (кроме введения) можно найти с трудом, и в большинстве случаев А. Гужаловский ограничивается заимствованием оттуда фактографии, избегая вступать в какую-либо полемику.

14. Семён Вольфсон, *Социология брака и семьи*, с. 338.

15. См. о восприятии с левой политической перспективы изменений в сфере регулирования сексуальности и гендера, произошедших с 1970-х годов в западноевропейских обществах: Jeffrey Weeks, «Making the Human Gesture: History, Sexuality and Social Justice», *History Workshop Journal*, 70 (Autumn 2010), p. 5-20, esp. 14-15.

16. Александр Ленц, *Криминальные психопаты (социопаты)* (Ленинград: Рабочий суд, 1927).

17. Гапова і Усманова, “Каханне і сэкс у БССР,” с. 42-44.

Описывая отношение большевистских властей (и, в частности, наркома здравоохранения Семашко) к гомосексуальности в 1920-е годы (с. 233), А. Гужаловский ссылается на монографию Дэна Хили «Гомосексуальное влечение в революционной России». Однако пересказывая сведения из найденных собой источников, А. Гужаловский совершенно не сверяет свои изыскания с работой Д. Хили, который интересовался взаимоотношениями армии и гомосексуалов обоего пола и в своей монографии указывает несколько интересных источников по этому вопросу¹⁸. Ведь совершенно по-другому можно было бы откомментировать, например, уголовное дело Петра Рвачёва и Степана Язвенко, которых в 1924 году содержали под стражей как обвиняемых по статье 167 УК РСФСР¹⁹. По статье 167 должно было караться «половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости, сопряжённое с растлением или удовлетворением половой страсти в извращённых формах». Тем не менее, в данном случае под эту статью пытались подвести добровольные сексуальные отношения двух взрослых мужчин: заведующий гарнизонным клубом в Бобруйске П. Рвачёв родился в 1891 году, а красноармеец С. Язвенко – в 1901 г.²⁰

23 мая 1924 г. особое отделение ОГПУ при 4-й стрелковой дивизии начало дознание в отношении П. Рвачёва и С. Язвенко. Оба были заключены под стражу.

23 мая С. Язвенко был допрошен уполномоченным особого отдела 5-го стрелкового корпуса Папенковым. Уроженец деревни Беловодка Суражского уезда Черниговской губернии, крестьянин С. Язвенко был призван в Красную Армию в 1920 году²¹. Непонятно, самому ли С. Язвенко пришла в голову идея обвинить П. Рвачёва в изнасиловании, чтобы избежать наказания, или эта идея была «подсказана» сотрудником ОГПУ. Тем не менее, уже на следующий день, 24 мая, С. Язвенко на очной ставке со П. Рвачёвым отказался от первоначальных показаний и заявил, что их половые сношения были добровольными.

П. Рвачёв был уроженцем деревни Литово (Летево) Керенского уезда Пензенской губернии. Поскольку его родители были безземельными крестьянами, он переехал в Петербург и работал на заводе. В 1914 году он был призван в армию, откуда ушёл после февральской революции 1917 года,

18. Дан Хили, *Гомосексуальное влечение в революционной России: регулирование сексуально-гендерного диссидентства* (пер. с англ.), (Москва: Ладомир, 2008), с. 203-204, 431-432.

19. До 1928 г. в БССР действовал Уголовный кодекс РСФСР.

20. НАРБ, ф. 189 (Высший суд БССР), оп. 1 (1922–1925), д. 4561. Уголовное дело Высшего суда Республики Белоруссии по обвинению Рвачева Петра и Язвенко Степана по 167 ст. У. К. Начато 28.06.1924.

21. Данные о социальном происхождении двух военных приводятся, во-первых, чтобы объяснить, почему они по-разному вели себя и были выпущены на свободу в разное время, а во-вторых, чтобы подчеркнуть, что перед нами пример «рядовых советских гомосексуалов» (по определению Иры Ролдугиной), а не представителей творческой интеллигенции (исторические примеры гомосексуалов-интеллигентов чаще оказываются на виду, но ведь «инакочувствующие» встречаются среди всех социальных групп).

чтобы вернуться в Петроград и устроиться на Путиловский завод рабочим. 16 февраля 1918 г. П. Рвачёв поступил добровольцем в Красную Гвардию, откуда в ноябре 1918 г. перешёл в Красную Армию.

На допросе 24 мая П. Рвачёв показал, что ранее «за подобное деяние» его уже судил трибунал 11-го корпуса и он был исключён из партии (судя по всему, другого наказания, кроме исключения из партии, не последовало). П. Рвачёв настаивал, что все половые акты с С. Язвенко были добровольными. П. Рвачёв сообщил:

Чем объяснить это явление, сказать не могу, но бывают такие периоды, когда я бываю ужасно раздражителен и мне хочется для удовлетворения своей половой страсти мужчину, но отнюдь не женщину, т. к. у меня есть жена.²²

29 мая П. Рвачёва и С. Язвенко перевели из-под юрисдикции ОГПУ в распоряжение гражданских властей – следователь 3 участка Бобруйского уезда предъявил им обвинение в «педерастии (мужеложестве)», но почему-то по статье 167 УК РСФСР²³. Оба были допрошены. П. Рвачёв при этом сделал следующие заявления:

Я занимаюсь педерастией вследствие болезненного у меня явления. Я являюсь пассивным педерастиком, т. е. заменяю собою в этих случаях роль женщины. [...] Заключение меня под стражу никакого исправительного воздействия на меня не произведёт, так как это объясняется моим болезненным состоянием.²⁴

Как видим, Рвачёв сознательно ссылается на медицинский дискурс и настаивает на том, что уголовное преследование за половые акты между мужчинами не имеет смысла.

Тем не менее, П. Рвачёва и С. Язвенко продолжали содержать под стражей, сначала в Бобруйском ДОПРе, а с 15 июля в Минском центральном исправдоме БССР. 26 июля, после многократных письменных заявлений, П. Рвачёв был освобождён из-под стражи под подписку о невыезде со своего места жительства в Бобруйске. Судя по всему, Рвачёву помогли его связи в руководстве республики (не зря он был путиловцем и красногвардейцем) и статус имеющего награды и ранения ветерана гражданской войны. В деле хранится перехваченная сотрудниками Бобруйского ДОПРа записка, адресованная

22. НАРБ, ф. 189, оп. 1, д. 4561, л. 14. Протокол допроса П. Ф. Рвачёва. 24.05.1924.

23. НАРБ, ф. 189, оп. 1, д. 4561, л. 22. Постановление о предъявлении обвинения С. И. Язвенко и П. Ф. Рвачёву. 29.05.1924.

24. НАРБ, ф. 189, оп. 1, д. 4561, л. 25 об., 26. Протокол допроса обвиняемого П. Ф. Рвачёва. 29.05.1924.

в Минск Ивану Андреевичу Петровичу (Янке Нёманскому, 1890–1937), видному беларусскому экономисту и писателю²⁵.

1 августа об освобождении С. Язвенко ходатайствовал его брат Григорий, но в удовлетворении просьбы ему было отказано²⁶. Красноармеец из крестьян в глазах председателя Высшего суда БССР не заслуживал такого доверия, чтобы отпустить его под подписку о невыезде. С. Язвенко был освобождён только после того, как 20 августа следователь по важнейшим делам при Наркомюсте БССР Яков Нароенко постановил прекратить дело за отсутствием в действиях П. Рвачёва и С. Язвенко состава преступления, поскольку «действия Рвачева и Язвенко не содержат в себе состава преступления, предусмотренного ст. 167 Уголовного Кодекса, [...] совершались по обоюдному их согласию и [...] насилий друг над другом учинено не было»²⁷.

Дело П. Рвачёва и С. Язвенко является важным источником по вопросу о декриминализации «мужеложства» в СССР 1920-х годов и преследовании гомосексуалов по другим статьям уголовного кодекса. То, собирались ли большевики всерьёз декриминализировать гомосексуальные отношения, было дискутируемой темой. Так, Саймон (Семён) Карлинский в полемике с левыми западными исследователями 1970-х годов настаивал, что большевики изначально были довольно гомофобны, а декриминализация гомосексуальности в 1922 году произошла только как часть выполнения широких демократических требований революций 1905 и 1917 годов, которые большевикам пришлось признать²⁸. Позже Д. Хили, основываясь на архивных документах, которые стали доступными в 1990-е годы, показал, что планы декриминализировать гомосексуальность существовали уже у коалиционного правительства большевиков и левых эсеров зимой 1917-1918 годов²⁹. Кроме того, Дэн Хили, Грегори Карлтон³⁰, Фрэнсис Бернштейн³¹ и другие исследователи указали, что представление, будто бы у большевиков (и шире – в СССР) в 1920-е годы были единые взгляды на «проблему пола» (сексуальность и её

25. НАРБ, ф. 189, оп. 1, д. 4561, л. 51-51 об. Записка П. Ф. Рвачёва И. А. Петровичу. 06.06.1924.

26. НАРБ, ф. 189, оп. 1, д. 4561, л. 58-58 об. Заявление Григория Язвенко на имя Председателя Высшего суда Белорусской республики. 01.08.1924.

27. НАРБ, ф. 189, оп. 1, д. 4561, л. 52. Постановление следователя по важнейшим делам Я. Нароенко по делу П. Рвачёва и С. Язвенко. 20.08.1924.

28. Simon Karlinsky, "Russia's gay literature and culture: the impact of the October revolution," in Martin Duderman, Martha Vicinus and George Chauncey, Jr., eds., *Hidden from History: Reclaiming the Gay and Lesbian Past* (New York: New American Library, 1989), p. 347-364.

29. Хили, *Гомосексуальное влечение в революционной России*, с. 144-145.

30. Gregory Carleton, *Sexual revolution in Bolshevik Russia* (Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2005). А. Гужаловский единожды ссылается на работу Г. Карлтона во введении, но более ничем не обнаруживает своё знакомство с ней.

31. Frances Lee Bernstein, *The Dictatorship of Sex: Lifestyle Advice for the Soviet Masses* (DeKalb: Northern Illinois University Press, 2007).

регулирование), не соответствует действительности. 1920-е годы сопровождались продолжительными дебатами в том числе и по данной проблеме.

Проблема усложняется ещё более, если принять во внимание, что половая связь между мужчинами оставалась уголовно наказуемой в советских республиках Средней Азии и Кавказа. А в недавней публикации Ирины Ролдугиной были представлены источники, в которых указывается, что в середине 1920-х годов в Одессе милиция преследовала мужчин-гомосексуалов, используя разные статьи действовавшего уголовного кодекса, в том числе статью 167 УК РСФСР³².

К сожалению, А. Гужаловский, комментируя найденное им уголовное дело, не попытался поместить его в контекст, а лишь высказал собственные гомофобные суждения: «тяжкое обвинение» (обвинение в гомосексуальной связи), «психологические проблемы» (однополое влечение), «длительное нахождение людей в однополых замкнутых коллективах создавало неприятные ситуации». Отмечу, что «неприятной» данную ситуацию сделало желание особистов (политической полиции) контролировать половую жизнь военных. Что касается «длительного нахождения в однополых замкнутых коллективах», то по крайней мере для Рвачёва однополый секс был не вынужденным временным заменителем гетеросексуального полового общения, а однозначно желаемым и имеющим самостоятельную ценность, поскольку он жил не в казарме, а на квартире в городе, имел свободное время, более того, у него была жена.

Разбор А. Гужаловским дела Рвачёва и Язвенко показывает, что исследователь не пользуется возможностями, которые ему открывает историография: в книгах других историков его интересует только фактография. Дискуссий о смысле событий с другими исследователями А. Гужаловский избегает. Дело Рвачёва и Язвенко, конечно, частный случай, но и во всей остальной книге А. Гужаловский не сверяет свои выводы с выводами других историков, что существенно снижает качество его труда.

* * *

Подводя итоги, приходится констатировать, что А. Гужаловский выбирает из источников то, что, как ему кажется, подтверждает его позицию. Если же в источнике сведений, подтверждающих мнение автора, нет, то их можно и досочинить. А. Гужаловский не видит различий между трансгендерными и интерсексными людьми. На страницах книги он создаёт образ гомосексуалов как «сексуально девиантных» и склонных к преступлениям. Вместе с тем сами по себе найденные А. Гужаловским источники достаточно интересны и

32. Ирина Ролдугина, «Почему мы такие люди?» Раннесоветские гомосексуалы от первого лица: новые источники по истории гомосексуальных идентичностей в России», *Ab Imperio*, 2 (2016), с. 183-216; «Письма советских гомосексуалов второй половины 1920-х гг.», *Ab Imperio*, 2 (2016), с. 217-258. Об облавах в Одессе см. с. 203-204, 225-226.

позволяют пролить свет на сексуально-гендерное диссидентство в Беларуси 1920-х годов и его отражение в архивах.

Многие черты работы А. Гужаловского характерны для состояния белорусской историографии в целом. Игнорирование исследователями наработок как восточноевропейской, так и западной историографии, замещение теоретических разработок комментариями на уровне повседневного сознания можно видеть и во многих других трудах белорусских историков.

Свою позицию («большевики развратили белорусов») Александр Гужаловский транслирует и более широко. В порядке рекламы книги Александр Гужаловский дал СМИ несколько интервью, в которых в основном повторил свою консервативную риторику³³. О дальности его расположения на правом политическом фланге можно судить хотя бы по тому, что интервью Гужаловского «Европейскому радио для Беларуси» было перепечатано одним из пролайферских (выступающим за полный запрет аборт и контрацепции) сайтов³⁴.

Непосредственно в книге консервативная идеология выступает как «задний план». На переднем плане – желание автора открыть новую тематику, ранее мало затронутую в белорусской историографии. Гужаловский старается найти и осветить как можно более скандальные аспекты исторических событий, чтобы привлечь внимание читателя к своей книге. Но и в этом стремлении он также часто слишком вольно трактует источники и преподносит свою трактовку как единственно возможную.

Несмотря на ультраконсервативную риторику Гужаловского, этот автор делает большое дело уже тем, что вводит историю сексуальности в академическое поле Беларуси. Ещё десять лет назад в Беларуси практически не было исследований по истории сексуальности, и даже сейчас невозможно представить, чтобы кто-то в Беларуси мог защитить диссертацию по истории сексуальности (например, истории проституции).

Беларусская историография отражает общество в целом. На примере разобранного труда мы можем увидеть, как один из белорусских историков некритично воспроизводит в своей работе гомофобные настроения, широко распространённые в белорусском обществе.

European University Institute (Florence), PhD researcher

uladzimir.valodzin@eui.eu

33. Дзьмітры Гурневіч, ««Прастытутка была па кішэні нават студэнту». Выходзіць кніга пра сэксуальную рэвалюцыю ў БССР», *Радыё Свабода (беларуская служба)*, 18.06.2017, URL: <https://www.svaboda.org/a/prostitute-belarus/28561732.html>; Арыём Мартыновіч, «Сэкс-рэвалюцыя ў 1920-я: як камуністы разбэшчвалі беларусаў», *Еўрапейскае радыё для Беларусі*, 28.07.2017, URL: <https://euroradio.by/seks-revalyucyia-u-1920-ya-yak-kamunisty-razbeshchvali-belarusau>.

34. «Вышла книга о сексуальной революции в БССР», *Пролайф Беларусь*, 09.08.2017, URL: <https://www.pro-life.by/obshchestvo/vyshla-kniga-o-seksualnoj-revolutsii-v-bssr/>